

Собачья старость

Под этим выражением обычно подразумевается осенне-промоглое, беспросветно-тоскливое существование пожилых людей, одиноких, заброшенных и никому не нужных. Почему “собачья”? Может быть, потому, что собаки – единственное, что согревает и утешает их в последние дни.

Мария Шкапская была одинока тем пронзительно студящим душу одиночеством, которого не понять непоэту. Её строки шокируют, даже пугают:

Гроб хочу с паровым отоплением,
на парче золотые отливы,
жидкость ждановскую против тления
и шопеновские к ней мотивы.

Калорифер от топки нагреется –
и в гробу отворяется дверца.
Пусть хоть кости в могиле согреются,
если в холоде умерло сердце.

При жизни она выпустила пять сборников стихов и оказалась прочно, капитально забыта. А между тем в 1923 году Флоренский ставил её вровень с Цветаевой, выше Ахматовой.

Последний сборник Шкапской вышел в 1927 году. Больше до самой смерти в 1952-ом она стихов не писала. “Стихов сейчас не пишу, – сообщает она в своей автобиографии. – Поэт я лирический, а нашей эпохе нужны иные, более суровые ноты. И потом кажется мне, что и поэт я ненастоящий, и в литературе тоже такой же случайный странник, как и во всех других областях жизни”.

Господи, всё я приемлю –
вышла в назначенный срок,
в час предначертанный в землю
лягу в сырой уголок.

Полной отмеренной мерой
груз моей боли несую,
сею с надеждой и верой
в жизни свою полосу.

Надежды не оправдались. В 50-е годы репрессировали младшего сына. Больше она его не видела. Подступили старость, болезни, одиночество.

Не смерть страшна. Перед её косою
душа чиста.

Нет, страшно то, что даль передо мною
пуста.

В последние годы жизни её главным утешением стали собаки. В доме всегда жили пудели. Потом она увлеклась собаководством, вошла в совет московского клуба собаководов, как когда-то в президиум Петроградского союза поэтов. Умерла Шкапская странной и нелепой смертью. На выставке собак в сентябре 1952-го года к ней кто-то подошёл и сказал, что пудели, прошедшие её контроль, неправильно повязаны. Она упала прямо на арене, где проходил этот собачий парад. Разрыв сердца.

Сегодня солнце всё в морщинках
и небо – как писал Каррьер.
Со мною томик Метерлинка
и неразумный фокстерьер.

И след того, за чем бессмертье,
в собачьих светится глазах, –
любви, поднявшейся над смертью,
любви, преодолевшей страх.

Из шестидесятилетнего забвения Марию Шкапскую вызвал Е. Евтушенко, напечатав её стихи в своей “Антологии” в “Огоньке” 1987-го года. Прочтя эти стихи, забыть их уже невозможно.

В 1996 году в Москве вышло “Избранное” Шкапской, изданное её дочерью за свой счёт тиражом в 150 экземпляров. Дочери её – Светлане Глебовне Шкапской – сейчас 85 лет. Живёт она в Москве, в коммуналке, так же одиноко и бедно, как все пенсионеры. Ни одного зарубежного “избранного” её матери ей не прислали. Никто никогда не обращался к ней с вопросом по поводу авторских прав. За перепечатки материнских стихов она не получила ни копейки. Одинокая собачья старость стала уделом и дочери Шкапской, словно перешла по наследству.

Как-то по ТВ прошёл сюжет: кадры из домашнего архива Георгия Вицина, запечатлевшие последние дни его жизни. Как сейчас помню: собака, стоя на задних лапах, тянет к нему свою мордочку, а он, наклонив к ней ухо, делает вид, что внимательно слушает. Его спрашивают: “Что она говорит?” Отвечает: “Говорит, что любит, что не забудет”. (Он уже знал, что дни его сочтены). И серьёзно обращается к пёсьей морде: “Ты меня любишь? Правда? Ты меня не забудешь?”. И вспоминались пронзительные строки Вениамина Блаженного:

А те слова, что мне шептала кошка, –
они дороже были, чем молва,
и я сложил в заветное лукошко
пушистые и тёплые слова.

...Они за мною шествовали робко –
попутчики дороги без конца –
собаки, бяки, божии коровки,
а сзади череп догонял отца.

На ножке тоненькой, как одуванчик,
он догонял умершую судьбу,
и я подумал, что отец мой – мальчик,
свернувшийся калачиком в гробу.